

вогали местные поселения, получившие статус городов, но не ставшие античными гражданскими общинами, полисами, а следовательно, не подвергшиеся романизации в социально-политическом смысле, хотя культурная романизация и могла в той или иной мере распространиться на них. У Д. Уилкса, правда, разница между этими типами городов, хотя он особо на ней не останавливается, гораздо более ошутима. У М. Клавель вовсе стирается различие между сосуществовавшими социально-экономическими укладами; так, говоря о процветании территории Бетерры в эпоху домината, она исходит из богатства и роскоши некоторых крупнейших вилл и соответственных данных авторов о тамошних магнатах, которые обычно отнюдь не принадлежали к слою муниципальных собственников. Вряд ли их благосостояние может свидетельствовать о процветании всего района в целом. Преувеличенным представляется и утверждение о всеобщей преданности императорам. Обязательное для всех жителей Империи отправление императорского культа еще не свидетельствует об истинных настроениях тех или иных социальных слоев. Если данные для дифференцированного рассмотрения социальной психологии и идеологии различных классов и социальных групп отсутствуют, то осторожнее было бы воздержаться от слишком категоричных суждений.

Д. Уилкс, к сожалению, вообще обошел духовную жизнь изучаемой им провинции, лишь попутно упомянув посвящения туземным богам и памятники, свидетельствующие о кельтской и иллирийской традициях и их взаимовлиянии.

Независимо от большей или меньшей убедительности тех или иных наблюдений авторов, книги их представляют значительный интерес. Они дают богатый материал, подтверждающий на примере изученных авторами областей, насколько важно при анализе отношений в римских провинциях иметь в виду взаимодействие римских и местных элементов, тщательно учитывая, на каком уровне социально-экономического развития стояли те или иные племена и народы к моменту римского завоевания. До последних десятилетий, пока в центре внимания стояли Рим и романизация (притом в основном политическая и культурная), эта проблема отодвигалась на задний план. Теперь она начинает играть все большую роль в исследованиях не только марксистских, но и немарксистских историков (хотя последние и не уделяют должного внимания четкой дифференциации форм собственности и эксплуатации, представляющих для марксистов отправной пункт дальнейшего анализа).

Монографии Д. Уилкса и М. Клавель, хотя сами авторы соответственных выводов и не делают, показывают, насколько различными были результаты взаимодействия римских и местных отношений в зависимости от того, достигли ли или нет ко времени римского завоевания местные племена стадии формирования классового общества и государства при больших или меньших элементах сохранения общины разных типов. В первом случае племенная знать довольно быстро романизуется, вливаясь в господствующий класс Империи, и римский строй жизни во всех его проявлениях настолько укореняется, что значительные его пережитки сохраняются и после падения римского владычества. Позиции местной аристократии относительно (и прежде более или менее зависимых от нее) земледельцев, организованных в общины или нет, чрезвычайно усиливаются благодаря ее приобщению к высшим сословиям Империи. Общее же развитие социально-экономических отношений, в частности товарности производства и рабства, стимулирует усиление эксплуатации и зависимости мелких земледельцев. С упадком античного рабовладельческого способа производства и соответственно античного города земельные магнаты, ряды которых пополнялись и за счет верхушки муниципальной знати, подчиняли своему влиянию не только села, но и небольшие города. Процесс зарождения и развития феодальных элементов шел здесь в наиболее чистом виде и наиболее быстрыми темпами.

Напротив, там, где первобытно-общинный строй еще процветал, где ко времени римского завоевания социальная дифференциация не успела зайти далеко, романизация шла прежде всего за счет притока италиков и не имела глубоких корней. Основанные главным образом для италийских переселенцев города оставались более или менее чужеродными образованиями и значительно быстрее приходили в упадок, видимо

в силу тех или иных изменений общей конъюнктуры. В упадок приходили и семьи размещенных в них колонистов и их рабовладельческие, римского образца, хозяйства. Распространению античного рабства мешала крепкая община. Но, видимо, можно предположить, что под влиянием соприкосновения с античными рабовладельческими и товарно-денежными отношениями, возможностями, открывавшимися на военной службе, и т. п. внутри общин шла дифференциация, выделялись мелкие и средние поссессоры, с одной стороны, обезземеленные арендаторы, с другой. Частично беднота, возможно, попадала в кабалу и рабство доримского характера. Хотя кое-кто из туземной знати достигал высоких рангов, крупное землевладение большой роли не играло, процесс феодализации шел медленнее и, вероятно (в соответствующих районах Далмации, как и в некоторых иных сходных областях), не столько за счет закрепощения колонов земельными магнатами, сколько за счет подчинения общинников влиянию выделившейся из их же среды верхушки. Возможно, такой путь объясняет позднюю дату известного закона о закрепощении колонов Иллирика, а также особенности этого закона и чрезвычайно острую классовую борьбу крестьян в этих и аналогичных по своей социально-экономической структуре областях в эпоху домината.

Другой вывод, который можно сделать на основании рецензируемых, как и ряда других работ, относится к общему положению в Империи в последние века ее существования. По-видимому, широко распространенное представление о повсеместном полном упадке с середины III в. нуждается в некотором пересмотре и уточнении: наряду с упадком одних районов и хозяйств наблюдается подъем других. В общей формулы может полагать, что дело идет о разных укладах, разных социальных слоях. Но в каждом конкретном случае, очевидно, следует детально выяснять, какие именно уклады и связанные с ними социальные слои и по каким именно причинам переживали кризис и упадок, или напротив, подъем. Что то были далеко не всегда одни и те же слои, видно на примере территории Бетерры и глубинных районов Далмации: в первом случае процветали в III—V вв. крупнейшие землевладельцы из более или менее старинных римских и галло-римских семей, во втором — владельцы сравнительно небольших имений из числа недавно получивших римское гражданство местных уроженцев.

Таким образом, богатый материал, содержащийся в книгах Д. Уилкса и М. Клауель, ценен как с познавательной точки зрения, так и благодаря тому, что лишней раз подчеркивает важность упомянутого выше направления в методологии изучения римских провинций и процесса феодализации римской Империи, т. е. анализа взаимодействия более или менее константного римского элемента с различными многообразными вариантами отношений в провинциях и их отдельных областях.

Е. М. Штаерман

ИЗУЧЕНИЕ ИСТОРИИ ДРЕВНЕГО РИМА ЦАРСКОЙ И РЕСПУБЛИКАНСКОЙ ЭПОХ В ПОСЛЕВОЕННОЙ ИТАЛЬЯНСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Оценивая путь, пройденный итальянским антиковедением с 1945 по 1967 г., Арнальдо Момильяно, давно и серьезно занимающийся историографическими проблемами, выдвинул задачу «деколонизации» итальянской науки¹, понимая под этим словом освобождение от непреерекаемого авторитета немецких специалистов, от «диктатуры Моммзена» и его коллег, превративших итальянскую науку в свою духовную «колонию». Не входя в спор о том, насколько удачен примененный термин, отметим, что

¹ А. Момильяно, *Storia gresca*, в сб. «La storiografia italiana negli ultimi vent'anni», Milano, 1970, стр. 3—18. Книга вышла через два года после национального конгресса в Перудже, ставившего своей целью осмысление пути, пройденного послевоенной итальянской исторической наукой. Историографические исследования А. Момильяно обобщены также в сборниках его статей «Contributo alla storia degli studi classici», Roma, 1955; «Studies in Historiography», L., 1966; «Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antica», Roma, 1966.

А. Момильяно достаточно остро поставил вопрос о направленности современной итальянской исторической мысли. В его докладе речь шла не только о необходимости пересмотра положений, заимствованных из арсенала консервативной националистической науки выучениками германских университетов или слушателями немецких профессоров, имевших кафедры в Италии, но и об отказе от тенденций, навязанных в свое время итальянской историографии фашистским режимом. Вспомним, что в те времена итальянские исследователи античности, за единичными исключениями (среди которых прежде всего должен быть назван Гаэтано де Санктис), не только не оказали отпора фашистской фальсификации истории древнего Рима, но и включились в хор голосов, прославлявших «благоприятную» роль римского империализма.

Послевоенное время для итальянского антиковедения отмечено заметным влиянием прогрессивных идей. Это сказалось как в общем подходе к историческому процессу, так и в оценке различных периодов римской истории.

Обращает на себя внимание стремление к постановке широких проблем на материале римской истории. Так, Л. Парети критикует тезис своего учителя Ю. Белоха, согласно которому действие исторических законов исключает индивидуальную человеческую волю². В дилемме масса — индивидуум Л. Парети стремится выявить роль индивидуума, обусловленную выдвинутой его социальной средой. Эта постановка вопроса сознательно противопоставляется также взгляду Г. де Санктиса, писавшего во введении к своей «Истории греков»: «Исторический процесс является полностью произведением индивидуумов, и ничто в истории не существует вне отдельных человеческих личностей». Если раньше для итальянской историографии, находившейся под сильным влиянием Бенедетто Кроче, было характерно подчеркивание резкой грани между историей и так называемой предисторией, то в новейших работах наблюдается определенная тенденция к ее стиранию. Санто Мадзарно пишет: «Два крупных мыслителя, Кроче и Ясперс, мыслили предисторию и историю как два противоположных момента духа; но они, возможно, признали бы, что в том и другом случае мы находимся перед лицом проявлений культуры, реконструкция которой всегда дело одной и той же творческой активности ученого»³.

Определенные сдвиги, происшедшие в итальянской историографии, выразились, в частности, в повороте ее интересов к древнейшему прошлому Рима и Италии, к тем «доисторическим остаткам» изучение которых было при фашизме отодвинуто на второстепенное место⁴ пропагандой памятников римского величия.

Первая проблема, с которой сталкивается каждый исследователь истории древней Италии, — это проблема ее древнейшего народонаселения. В науке XIX и начала XX в. все сложные этногонические процессы сводились к истории переселений на полуостров крупных масс пришлого населения и поискам их прародины. Новый археологический материал (памятники культур террамар и Виллановы) трактовался как свидетельство реальности доисторических миграций. Реакцией на эту концепцию явились взгляды итальянских ученых 30-х годов, объяснявших индоевропеизацию Италии не вторжением народов, а длительной инфильтрацией отдельных индивидуумов⁵. Эта теория явилась исходным рубежом в трактовке современными итальянскими учеными проблем народонаселения Италии.

Сохраняя негативизм по отношению к концепции древнейших миграций, итальянские исследователи стремятся подвести под антимиграционистские взгляды исторический фундамент. Весьма показателен прочитанный М. Паллотино на X Конгрессе

² L. P a r e t i, Storia di Roma, I, Torino, 1951.

³ S. M a z z a r i n o, Storia romana, в сб. «La storiografia italiana negli ultimi vent'anni», стр. 22.

⁴ Имеют значение: U. R e l l i n i, Le origini della civiltà itatica, Roma, 1929; G. P a t r o n i, La preistoria, Milano, 1937.

⁵ P a t r o n i, ук. соч.; он же, L'indoeuropeizzazione dell'Italia, «Athenaeum», 18, 1939, стр. 213.

исторических знаний в 1955 г. доклад «Исторические начала итальянских народов»⁶. В концепции докладчика этнос проявляется как следствие длительного и позднего развития и кристаллизации индивидуумов и групп вокруг городских центров. Народность объявляется не исходной точкой развития, а его конечным результатом. Соответственным образом, психологической и методологической задачей исследования оказывается выяснение не происхождения народов, а их формирования.

С таким поворотом в постановке и решении проблем этногенеза связана также новая для итальянской науки трактовка древнейшего общественного устройства итальянских народов. Отклоняя мнение Эд. Мейера об образовании римской общины из распада какого-то большого целого, П. де Франчиши полагает, что на протяжении многих веков население Италии находилось в «текущем состоянии»⁷. Эмбриональной единицей этой стадии, предшествовавшей занятию латинянами римской почвы, было объединение по родственному принципу — gens. Исследуя на примере Мамилиев и Юлиев тенденцию дробления и распада рода, де Франчиши относит ее начало к незафиксированному литературной традицией периоду.

С началом оседлости появляется familia. Ее следы де Франчиши ищет в открытых археологами остатках хижины Гермала и Палатина. Каждая из хижин представляла собой domus. Объединение домов составляло деревню — vicus. Что касается pagus, то это зона, где обитатели деревни осуществляли свою пастушескую и земледельческую деятельность.

В своем определении familia де Франчиши основывается на анализе понятия parentes, юридическое значение которого выявляется существованием культа parentatio, а также очерченной законами XII таблиц ролью pater familias внутри дома. Такого типа семья, возглавлявшаяся прадедом (proavus), имевшая в своей основе власть над тремя поколениями потомков, рассматривается как зародыш будущей государственной организации.

Эта концепция эволюции древнейшего общественного устройства, как мы видим, противостоит патриархальной теории, выработанной еще в древности и нашедшей многочисленных приверженцев в новое время. Семья рассматривается не как изначальная основа общественного развития, а как продукт распада рода, долго еще сохранявшего свое значение в частноправовой и религиозной сферах.

Новейшие археологические открытия привлекли внимание к вопросу о времени возникновения Рима. Шведский ученый Э. Гьерстад, пользовавшийся материалами раскопок Дж. Бони и сам проводивший стратиграфическое исследование, пришел к выводу, что датой возникновения Рима надо считать первую нивелировку Форума, т. е. снесение могил и превращение Форума в центр коммерческой и политической жизни населения холмов. Это событие Э. Гьерстад датировал 575 г. до н. э.⁸ Против Гьерстада единодушно выступили итальянские историки и археологи, показавшие несостоятельность его исторических позиций и ошибочность интерпретации археологического материала⁹. Данные, относящиеся к торговой деятельности Форума, указали на необходимость более осторожного пользования такими понятиями, как «городской» и «догородской» периоды.

Другая важная тема исследований — это состав древнеримской общины и взаимоотношения патрициев и плебеев. Обстоятельнейшим образом она рассмотрена в труде Ф. де Мартино «История римской конституции»¹⁰. В отличие от своих предшественников де Мартино, занимаясь историей римских государственных учреждений, стремится выяснить их социальную основу. Он убежденный противник схематического подхода к проблеме возникновения государства, примером которого может служить

⁶ M. P a l l o t t i n o, Le origini storiche dei popoli italici, «Atti del X Congresso internazionale di scienze storiche», Roma, II, 1955, 1—60.

⁷ P. de F r a n c i s c i, Primordia civitatis, Roma, 1959, стр. 149 сл.

⁸ E. G j e r s t a d, Early Rome, III, Lund, 1960. Дальнейшее развитие взглядов: о н ж е, Scripta minora, Lund, 1960.

⁹ De F r a n c i s c i, ук. соч., стр. 753; A. M o m i g l i a n o, в «Rivista storica italiana», 73, 1961, стр. 802—808.

¹⁰ F. de M a r t i n o, Storia della costituzione romana, I—IV, Napoli, 1958—1962.

теория Эд. Мейера о возникновении государства из орды. Между ордой и государством — длительный этап исторического развития, заполненный родом и семьей. История застаёт римский род на стадии разложения, перехода, обусловленного экономическими факторами, от коллективной собственности к индивидуальной. Де Мартино не ставит знака равенства, как это делают многие зарубежные исследователи, между семьей и родом, усматривая в последнем политическое объединение семей, представляющих собой самостоятельные хозяйственные единицы.

Разложению рода способствовало появление клиентов — чужеземных торговцев и ремесленников, привлеченных экономическим процветанием Рима. Как известно, античные авторы часто отождествляли плебеев и клиентов, но в новое время клиентелу стали резко противопоставлять плебсу¹¹. На такой точке зрения стоит и де Мартино, считающий, что клиенты входили в большие семьи, плебс же образовался из свободного притока чужеземцев в уже сформировавшуюся римскую общину, ничем не отличаясь от афинских метеков. Интересы клиентов и плебеев, как полагает автор, были прямо противоположны. В то время как городское сословие — плебеи — боролось с патрициями за политическую свободу, клиенты держали сторону патрициев и оказывали им поддержку. Такому взгляду, однако, противоречат сельские интересы плебеев, борющихся за землю, и почитание плебеями божеств земли.

Наиболее сложен из-за отсутствия источников вопрос о связях клиентов и патрициев на почве аграрных отношений. М. Вебер видел в клиентах римских крепостных-барщинников, а в патрициях — феодальных собственников¹². Де Мартино, рассматривая клиентов как трудовой элемент римского рода, полагает, что сферой эксплуатации клиентов было не землевладение, а скотоводство.

В своем докладе о послевоенной итальянской историографии древнего Рима С. Мадзарини оценивает труд своего соотечественника как выдающийся, подчеркивая, что благодаря де Мартино старый вопрос о происхождении плебеев (из клиентелы — согласно Вико и Моммзену; от латинских земледельцев — согласно Нибуру и т. д.) освободился от схематизма такого рода традиционных формул; он предстал в значительно более сложном виде (настолько сложном, что его оказалось невозможным уложить в точные формулы) и должен был быть историфицирован¹³.

Под «исторификацией» С. Мадзарини понимает, видимо, отказ от формально-юридического подхода при рассмотрении эволюции государственных учреждений, интерес к социальной стороне истории римского государства. Это же достоинство работы де Мартино отметил в своей рецензии и Л. А. Ельницкий¹⁴. Де Мартино ставит вопрос о классовой природе раннеримского государства, приходя к выводу, что основными классами-антагонистами были не рабы и рабовладельцы, а патрицианская аристократия, с одной стороны, и низшие слои плебса и клиенты, — с другой.

Дискуссию в итальянской науке вызвал вопрос о сущности царской власти в в Риме. Де Мартино считает царя магистратом, которому федерация родов поручала осуществление военных и религиозных функций, оставляя за собой авторитет во внутренних и внешних делах¹⁵. У. Коли, напротив, не видит существенной разницы между царской властью в восточных деспотиях и властью базилиевса или рекса¹⁶. По его мнению, представления современной историографии о такой разнице — результат не критического отношения к данным античной традиции. Ливий и Цицерон, считает Коли, переносили в описание *basileia* и *regnum* черты своего времени, наделяли неограниченных монархов качествами политических деятелей республиканской эпохи. Поэтому,

¹¹ J. V i n d e r, *Die Plebs*, Lpz, 1909.

¹² М. В е б е р, *Аграрная история древнего мира*, М., 1923, стр. 288.

¹³ М а з з а г и н о, ук. соч., стр. 23.

¹⁴ Л. А. Е л ь н и ц к и й, *Новый фундаментальный труд по истории древнеримских государственных учреждений*, ВДИ, 1963, № 3, стр. 164.

¹⁵ D e M a r t i n o, ук. соч., стр. 33, 67.

¹⁶ U. C o l i, *Stati-Citta e unita etniche nella preistoria greca e italiana*, «Studi in onore di Pietro de Francisci», IV, 1956, стр. 507 слл.

с его точки зрения, если и существует разница между восточной деспотией и римской монархией VIII—VI вв. до н. э., то она заключается лишь в том, что царская власть в Азии и Египте сохранялась долгое время, тогда как в греко-римском мире она после краткого существования сменилась полисом.

Подлинное возрождение переживает исследование круга проблем, связанных с колонизацией полуострова и прилегающих к нему островов. Появились новые центры их изучения. В Сицилии это Институт древней истории Палермского университета (директор Эуженио Манни). По его инициативе создан журнал «Кокалос», получивший имя сиканского царя. В 1964 и 1967 гг. состоялись два конгресса по изучению античной Сицилии. Значительным центром исследования Великой Греции стал Таранто. С 1961 г. там ежегодно созываются симпозиумы, посвященные той или иной теме («Греки и италийцы в Великой Греции», «Дороги Великой Греции», «Метрополии и колонии», «Святыни Великой Греции» и т. д.).

Многочисленные находки микенской керамики в разных пунктах побережья Тарантийского залива, в Сицилии, на Липарских островах, Искьи и даже в Этрурии позволили отказаться от мнения, приписывавшего решающую роль в развитии Италии вторжениям с севера, и понять значение древнейшего колониационного движения, исходившего из эгейских центров. Осмыслению всех данных о микенском влиянии служит статья ветерана итальянского антиковедения Дж. Пульезе-Карателли¹⁷. Согласно его трактовке, уже в XVI в. до н. э. адриатическое побережье Италии и берега Сицилии приняли первый поток микенских колонистов. «Одиссея» отражает первое знакомство греков с Западом. Метрополией микенских колоний могло быть известное Гомеру Пилюское царство Нестора, занимавшее наиболее выгодное положение на путях в Италию. Найденные в Пилюсе таблички упоминают «дем» Метана, в котором исследователь видит Метапонт. Эти же таблички регистрируют поступление в Пилюс металла с о-ва Эльбы. На торговле металлом и выросли микенские колонии в Италии.

Новое освещение получает также легендарная традиция о древнейших контактах Крита и Сицилии. Э. Манни стремится выявить историческую реальность преданий о Миносе и о Геракле в Сицилии. В этих эпизодах он видит черты цивилизации, предшествовавшей появлению сикулов и связанной с микено-критской экспансией XIII в. до н. э.¹⁸ Согласно П. Риццо, легенда о Миносе включает версии сиканского и греческого происхождения. Смерть Миноса, побежденного Кокалом, говорит о поражении критских колонистов (сиканская версия). Переименование Макары в Миною говорит, напротив, о победе колонистов (греческая версия). Основание Минои тесно связано с известной из Павсания и Дюдора иммиграцией греков под предводительством Пенталла на Липарские острова¹⁹.

Предметом исследования в ряде работ служит проблема взаимоотношений между колониями и метрополиями. Изучению правовых принципов основания колоний посвящена статья С. Мадзарينو. Он высказал предположение, что наряду с колониями, основанными тем или иным городом, были колонии «квазифедеральные»²⁰. Таковы Сибарис, Кротон, Каулония, Метапонт, квалифицируемые в источниках как «города ахейцев». Так возникает правовая основа для выведения в более позднее время Фурий, которые рассматривались как панэллинская колония.

Археологические открытия поставили вопрос о формах связей между колониями и метрополиями на более твердую почву. Исследование диалектов сицилийских колоний по вновь открытым надписям позволило прийти к выводу о том, что колонисты сохраняли верность метрополии в этом лингвистическом плане²¹. Не меньший интерес

¹⁷ G. P u g l i e z e C a r r a t e l l i, Prima fasi della colonizzazione greca in Italia, «Atti del I Convegno di studi sulla Magna Grecia», Napoli, 1962, стр. 137 сл.

¹⁸ E. M a n n i, Minosse ed Eracle nella Sicilia dell'eta di bronzo, «Kokalos», VIII, 1962.

¹⁹ P. R i z z o, Akragas e la fondazione di Minoa, «Kokalos», XIII, 1967.

²⁰ S. M a z z a r i n o, Metropoli e colonie, «Atti del III Convegno sulla Magna Grecia», 1963, стр. 51 слл.

²¹ A. P a g l i a r o, Il problema linguistico, «Atti del III Convegno sulla Magna Grecia», 1963, стр. 87 слл.

представляет изучение религиозных культов в зависимости от религии метрополии²².

К важнейшим принадлежит проблема эллинизации Сицилии и Южной Италии. Она включает вопросы об отношениях греков и местного населения, о взаимодействии греческой и местной культур. Первому вопросу посвятил ряд работ Д. Адаместеану. Суммировав археологические данные новейших раскопок Гелы и других греческих колоний, он попытался объяснить общие для многих из них факты, в частности, их расположение на территории местных поселений, которые затем прекращают свое существование. Это, по мнению исследователя, свидетельствует о враждебных отношениях между колонистами и местными жителями²³. В другой работе Адаместеану изучил этапы восстания сикулов в V в. до н. э. и влияние греческих политических и религиозных идей на фигуру вождя сикулов Дукетия²⁴.

Новейшие раскопки внесли существенную поправку в наше представление о взаимоотношениях греческой и местной культур. Исследователи Пестума уже говорят не о вытеснении луканской культуры и последующем ее возрождении, а о цивилизации, находившейся под греческим влиянием, о культурном симбиозе, который оказался плодотворным как для греков, так и для варваров²⁵. К подобным же выводам приходят ученые, исследующие распространение греческой культуры на западе Сицилии²⁶.

Как специальная проблема выделяется вопрос о путях, связывавших греческие колонии ионийского и тирренского побережья Великой Греции. Использовался ли ими морской путь через Мессинский пролив или же торговля велась по сухопутным дорогам через перешейки Бруттия, где одно море от другого отделялось расстоянием в 30—60 км? Итальянские историки, как правило, поддерживают гипотезу о торговле между двумя морями по перешейкам Бруттия, в обход опасного Мессинского пролива²⁷. Они основываются на том, что расположенные на перешейках некрополи местного населения свидетельствуют о тесной связи с греческим миром.

Интересна поднятая новейшими раскопками в Сицилии и Сардинии проблема финикийского и пунийского влияния. Ее неутомимый исследователь С. Москати вводит карфагенскую колонизацию (изучаемую параллельно с греческой и этрусской) в рамки политической истории эпохи²⁸. Москати и некоторым другим ученым принадлежит также заслуга выявления греческого влияния на формирование своеобразного искусства финикийско-карфагенских центров Сицилии и Сардинии. Анализируя керамику финикийско-пунийских центров, А. Бизи констатирует, что, несмотря на единообразие семитских и кипрских типов, сохраняются местные характеристики и заметно греческое влияние²⁹. Намечается изучение этрусско-карфагенских контактов в сфере религии и искусства, в то время как традиция раскрывает только один аспект этих связей — политический.

Многие стороны жизни доримской Италии предстали в новом свете благодаря успехам этрускологии. Со времени основания «Института этрусских и итальянских изысканий» (1927 г.) ведутся систематические раскопки в местах расселения этрусков, однако наиболее значительные результаты они дали после второй мировой войны.

²² Сохраняет значение: G. Giannelli, *Culti e miti della Magna Grecia*, Firenze, 1922 (2 ed., Napoli, 1963). Из новейших работ: G. Pugliese Carratelli, *Culti e dottrine religiose in Magna Grecia*, «Atti del IV Convegno sulla Magna Grecia», 1964, стр. 19 слл.

²³ D. Adamesteanu, *Rapporti tra Greci ed indigeni nella luce nuove scoperte in Italia*, «Atti del VII Congresso internazionale di Archeologia classica», II, Roma, 1961, стр. 45 слл.

²⁴ D. Adamesteanu, *L'ellenizzazione della Sicilia ed il momento di Ducerio*, «Kokalos», VIII, 1962, стр. 119 слл.

²⁵ P. Zancani Montuoro, *Paestum*, «Enciclopedia dell'arte antica classica e orientale», v. 5, стр. 829—840.

²⁶ V. Tusa, *L'irradiazione della civiltà greca nella Sicilia occidentale*, «Kokalos», VIII, 1962, стр. 52 слл.

²⁷ A. Maiuri, *Vie di Magna Grecia*, «Atti del II Convegno sulla Magna Grecia», стр. 197 слл.

²⁸ S. Moscati, *Il mondo del Fenici*, Milano, 1966.

²⁹ A. M. Vissì, *L'irradiazione semitica in Sicilia*, «Kokalos», XIII, 1967.

Основываясь на археологическом материале, итальянские этрускологи стремятся дать в своих исследованиях описание Этрурии по отдельным городам и районам. Такого плана придерживается Луиза Банти в своем вышедшем двумя изданиями «Мире этрусков»³⁰. Это выдвигает на первый план проблемы экономической истории отдельных районов, специфики культуры и религиозных представлений городов и даже особенностей локальных диалектов и алфавитов.

Огромное количественное накопление материала позволило наряду с начатым в 50-х годах составлением археологической карты Этрурии³¹ приступить с 1966 г. к систематическому картографированию всех материалов поселений на этрусской территории, используя любые свидетельства о жилых центрах, начиная с протовиллановской фазы и до римского времени (эффективные следы поселений, наличие некрополей или групп могил, позволяющих предположить близость поселения). Для каждого центра на отдельные карточки заносятся систематизированные сведения о топографической локализации, природе археологических остатков, хронологических рамках существования центра, его значимости, а также исчерпывающая библиография. Планируется публикация результатов таких исследований по следующим разделам: Вейи, область фалисков и Капенете, Церы, Тарквинии, Вольсинии и Орвьето, Вулчи, Ветулония. Рузеллы, Популония, Перуджа, Кьюзи, Кортоня и Ареццо, Вольтерра, Фьезоле³².

Увеличившийся археологический материал позволил итальянским ученым заняться изучением ремесла и торговли этрусков³³. По надписям исследуется социальное и политическое устройство этрусских городов-государств³⁴.

Менее значителен вклад итальянской науки в проблему этрусских аграрных отношений и колонизации. Историки, затрагивающие эти вопросы, основываются главным образом на том, что дает знаменитый отрывок о помощи Риму из Этрурии во время II Пунической войны (Liv., XXV, 45). Между тем сочетание литературных, эпиграфических и топонимических сведений с данными пыльцевого анализа, использование методов палеоботаники и экологии могло бы не только дать более глубокое понимание процессов сивойкизма и этрусской колонизации, но и прояснить саму природу аграрной или аграрно-пастушеской системы этрусков³⁵.

Проблема происхождения этрусков — предмет многолетних исследований М. Паллоттино³⁶. В отличие от П. Дукати, пытавшегося опереться на весь археологический и лингвистический материал для доказательства восточного происхождения этрусков, и Л. Парети, гальванизировавшего старую европейско-ретийскую теорию, М. Паллоттино говорит о формировании этрусского народа на местной почве. Решающим аргументом для него служит существование в одних и тех же городах и некрополях примитивных элементов культуры Вилланова и памятников развитой этрусской культуры. Виллановцы, занимавшие в X в. до н. э. места будущих этрусских городов, по мнению М. Паллоттино, не кто иные, как протоэтруски, а этруски — цивилизованные виллановцы. В разительных переменах, происшедших в VIII в. до н. э. в жизни обитателей Вей, Тарквиний, Ветулонии, Вольсиний и других менее значительных центров, исследователь видит результат интенсивной эксплуатации железных рудников и медных копей о-ва Эльба и района Популонии.

Л. Банти в упомянутом выше труде не принимает ни одной из предложенных до сих пор теорий происхождения этрусков, подчеркивая их уязвимые места. Так,

³⁰ L. B a n t i, *Il mondo degli etrusci*, Roma, 1960 (2 ed. — Roma, 1969).

³¹ См. Н. Н. З а л е с с к и й, *Этрускология за рубежом*, ВДИ, 1956, № 4, стр. 80.

³² SE, 36, 1968, стр. 490—491.

³³ A. M i n t o, *L'antica industria mineraria in Etruria e il porto di Populonia*, SE, XXIII, 1954, — 1956, стр. 291 сл.

³⁴ M. P a l l o t t i n o, *Nuovi temi di ricerca sul tema della magistrature etrusce*, SE, XXXIX, 1955—1956, стр. 45—72; S. M a z z a r i n o, *Sociologia del mondo etrusca e problemi della tarda etrusca*, «Historia», 6, 1957, стр. 98—122.

³⁵ E. S e r e n i, в сб. «La storiografia italiana negli ultimi vent' anni», стр. 46.

³⁶ M. P a l l o t t i n o, *L'origine degli Etruschi*, Roma, 1947, о н ж е, *Etruscologia*, ed. 5, Milano, 1963.

она считает, что, принимая мнение Геродота, невозможно дать вразумительный ответ на вопрос, почему этруски, прибыв из Азии, не принесли с собой ее высокой культуры и даже заимствовали письменность у греков. Теория вторжения с севера не объясняет почему древнейшие этрусские города находились на юге. Что касается взгляда на этрусков как на местное население, то он плохо согласуется с известными данными о размещении местного населения (лигуры в Италии, баски в Испании) в наименее плодородных районах.

В свете проблемы происхождения этрусков представляет интерес давно уже подмеченное сходство предметов, находимых в этрусских гробницах, с изделиями восточных, в частности урартских мастеров. М. Паллоттино допускает возможность прямых торговых связей между урартами и этрусками (включая распространение художественных изделий из металла)³⁷ и отвергает вероятность изначальных контактов между протоэтрусками и урартскими ремесленными центрами в Малой Азии (одни из существенных доводов сторонников азиатского происхождения этрусского этноса).

Не нов вопрос о роли этрусков в формировании римского государства. Открытие этрусских надписей на территории самого Рима, находка надписей из Пирг, подтверждающих античную традицию о договорах Рима с Карфагеном и этрусскими государствами, укрепили позиции тех ученых, которые и прежде искали в римской традиции следы этрусского влияния³⁸.

Внутренняя эволюция римского государства рассматривается итальянскими учеными параллельно с внутренней эволюцией других латинских государств, в их развитии от примитивных монархий к республиканскому управлению диктаторов или преторов. Такое направление исследований развивал С. Мадзарино³⁹. В противовес ему А. Бернарди считает, что царская власть в Риме имела не латинское, но сабинское происхождение, а сабинский институт впоследствии был деформирован этрусками⁴⁰.

Проблема римского завоевания Италии и создания итальянской федерации под главенством Рима — одна из традиционных в европейской науке. В прошлом веке на ее исследовании сказывалась острая идейная борьба вокруг воссоединения европейских государств. Риму приписывали культуртрегерскую роль и затушевывали негативные стороны римского завоевания. Историки были на стороне победителей, а не побежденных. Поворот к изучению истории итальянских народов, впоследствии инкорпорированных Римом, в значительной мере связан с открытиями памятников письменности и культуры осков, луканов, самнитов, пиценов. Картина формирования римской культуры оказалась более конкретной и сложной, вклад итальянских народов — более весомым. Это относится и к области конституционной истории. Сравнивая республиканские учреждения Рима с соответствующими институтами италиков, ученые отвергают теперь мнение об исключительной оригинальности римского права и пытаются понять, что внесли в государственное развитие Италии другие народы. В этом отношении, помимо уже упомянутого труда де Мартино, интересна монография Франко Сартори, рассматривающего процесс перехода от свободных итальянских общин к муниципалиям и другим конституционным формам римского управления⁴¹. Сартори интересуется муниципальное устройство, автор видит в италиках поборников общинного устройства, защитников *civitas* со всеми ее свободами.

В исследовании истории самнитских войн итальянская наука отказалась от гиперкритицизма Пайса, настаивавшего на недостоверности античной традиции. В то же самое время делаются попытки пересмотреть традиционную хронологию самнитских войн. М. Сорди датирует первую самнитскую войну 336—332 гг. до н. э. (а не 343—

³⁷ M. P a l l o t t i n o, *Urartu, Greece and Etruria*, «East and West», IX, 1958, стр. 29—52.

³⁸ L. P a r e t i, *Storia di Roma*, I, Torino, 1952; de M a r t i n o, ур. соч., 1, стр. 105.

³⁹ S. M a z z a r i n o, *Dalla monarchia allo stato repubblicano*, Catania, 1945.

⁴⁰ A. B e r n a r d i, *Periodo sabino e periodo etrusco nella monarchia romana* «Rivista storica italiana», I, 1954, стр. 5—20.

⁴¹ F. S a r t o r i, *Problemi di Storia Costituzionale Italiana*, Roma, 1953.

341, как принято), вторую — 326—322 (по традиции — 326—304 гг.), третью — 311—304 (по традиции — 298—290 гг.)⁴².

Со времени появления работы Ф. Мюнцера «Römische Adelsparteien und Adelsfamilien» (1920) не прекращается полемика по вопросам, связанным с возникновением нобилитета и его политикой. А. Гарзетти, ученик и последователь Ф. Мюнцера, рассматривает историю конца IV в. до н. э. в характерном для просопографического направления аспекте, видя в деятельности Аппия Клавдия соперничество с группировкой Кв. Публия Филлона⁴³. Анализируя ту же проблему применительно к III в. до н. э., Ф. Кассола выявил сложность структуры римского общества, показал существование различных политических групп, состоявших из сторонников той или иной политической линии. Ф. Кассола подчеркивает, что, вопреки мнению приверженцев Мюнцера, подобные группы не порождались какими-либо обязанностями по отношению к семье или роду⁴⁴.

Традиционный интерес итальянской историографии к аграрным отношениям римской республики и аграрной борьбе. Работа историка-марксиста Э. Серени посвящена сельской общине древней Италии⁴⁵. В противовес общепринятому мнению, согласно которому община была принесена в Северную Италию завоевателями-лангобардами, Э. Серени считает, что она сохранялась и в период римского владычества.

Аграрному законодательству эпохи Республики посвящена монография Дж. Тибилетти⁴⁶. По мнению автора, античная традиция об аграрных законах была искажена в деталях ретроспективным влиянием гракханского времени, для которого аграрные проблемы прошлого приобретали особый интерес. Дж. Тибилетти предлагает свою схему истории регулирования отношений с *ager publicus*, согласно которой между законом Секстия и Лициния (367), устанавливавшим пределы участков *ager publicus*, и законодательством Гракхов был проведен незафиксированный античной традицией закон об ограничении *ager publicus* 500 юг. земли. Наиболее вероятной датой для такого закона он считает первую половину II в. до н. э., когда впервые стало возможным широкое применение рабского труда, но до 167 г. до н. э., когда этот закон уже вышел из употребления. Гипотеза Тибилетти устраняет противоречия, имеющиеся в сведениях Аппиана и Плутарха об аграрных законах, и согласуется с общей картиной социально-экономического развития Рима.

Продолжая в другой работе свои изыскания в области аграрных отношений, Дж. Тибилетти выбирает эпоху социального кризиса II—I вв. до н. э.⁴⁷ Он считает, что борьба против латифундий была не прямой целью, а лишь средством возрождения древнего крестьянства, для Марция же, Суллы, Цезаря и Октавиана — источником вознаграждения ветеранов и сторонников. Поэтому для этого периода можно говорить о широком распространении латифундий, основанных на эксплуатации рабского труда. В специальном исследовании Тибилетти пересматривает взгляд Моммзена на авторство *Tabula Veantina*, считая, что в надписи представлен не судебный закон Ацилия, а закон Гая Гракха⁴⁸.

Для послевоенной зарубежной науки в целом характерен интерес к истории рабства, которое и на Западе все большим числом ученых рассматривается теперь как явление, органически присущее античному миру. В связи с этим придает большее значение и рабским восстаниям. Итальянская исследовательница М. Капоцца признает

⁴² M. S o r d i, *Roma e i Sanniti nel IV secolo a. C.*, Bologna, 1969.

⁴³ A. G a r z e t t i, *Appio Claudio nella storia politica del suo tempo*, «Atheneum», 25, 1947, стр. 175—204.

⁴⁴ F. C a s s o l a, *I gruppi politici romani nel III secolo a. C.*, Firenze, 1962.

⁴⁵ E. S e r e n i, *Comunità rurali nell'Italia antica*, Roma, 1955.

⁴⁶ G. T i b i l e t t i, *Il possesso dell'ager publicus e le norme de modo agrorum sino ai Gracchi*, Pavia, 1949.

⁴⁷ G. T i b i l e t t i, *La sviluppo di latifundio in Italia dall'epoca graccano* «Relazione del X Congresso Internazionale di Scienze storiche», II, Firenze, стр. 235—292.

⁴⁸ G. T i b i l e t t i, *Le legge de iudiciis repetundarum fino alla guerra sociale*, «Athenaeum», 1953, стр. 5—100.

реальность рабских восстаний уже с древнейшей эпохи⁴⁹. Сохраненные античной традицией эпизоды выступлений рабов М. Капоцца подразделяет по двум периодам: 1) восстания V в. до н. э., 2) восстания III—II вв. до н.э. Первые рассматриваются лишь как результат возмущения особенно тяжелым положением или использования недовольства рабов внешними врагами, враждующими политическими группировками. Вторые связываются с социально-экономическими сдвигами эпохи завоеваний.

Внимание ряда итальянских историков вновь привлекла проблема отношений Рима с эллинистическими монархиями. В плане изучения античной традиции указанная проблема исследована А. Мелони, который полагает, что Полибий и Аппиан при изложении событий Македонской войны пользовались различными источниками⁵⁰. Выяснением причин II Македонской войны занималась Беатриче Ферро⁵¹. Она выделяет среди них морское соперничество Македонии и Рима, обладавшего, как теперь принято считать, уже в конце III в. до н. э. самым крупным флотом в Средиземноморье.

Отношения Рима с эллинистическими государствами Малой Азии — предмет исследований Дж. Витуччи. Наиболее интересна его работа «Вифинское царство»⁵². Автор рассматривает Вифинию не просто как объект завоевательной политики Рима, но, что особенно ценно, изучает экспансионистскую политику вифинских царей, которая сыграла немаловажную роль в развертывании Митридатовых войн. На основании фрагментарных литературных источников и немногочисленных надписей автор характеризует эволюцию административной системы вифинского царства, прослеживает процесс эллинизации вифинцев (составляющий часть более широкой проблемы урбанизации)

Устройство Греции времен римского владычества рассмотрено в монографии С. Аккаме⁵³. В ней на основании всего имеющегося в нашем распоряжении эпиграфического материала прослеживается и объясняется эволюция римского управления, покоившаяся на системе союзов с греческими городами и общинами.

Изложение событий II в. до н. э. привело итальянских историков к необходимости оценки римской завоевательной политики и ее результатов. Что дало величие Рима народам Средиземноморья и самим римлянам? На этот вопрос попытался ответить Г. де Санктис в последних частях своего труда, вышедших после второй мировой войны⁵⁴. Ее опыт не прошел даром для де Санктиса и итальянской интеллигенции его поколения. Это видно из оценки римского империализма, которая дается в связи с изложением завоевания Римом Испании и Африки. Автор не скрывает «неприглядных черт римского империализма», «отвратительной эксплуатации народов». Его симпатии всецело на стороне восставших карфагенян и иберов. Он сравнивает вождя лузитанов Вириата с двумя другими «великими варварами», борцами против римской агрессии — Верцингеторигом и Децебалом.

Здравая оценка римской агрессии, сочувствие борцам против нее диссоциируют со взглядами историка на историческую предопределенность объединения Средиземноморья под властью римлян. В этом отношении характерна его оценка финикийской цивилизации. Она (совершенно в духе прежней националистической науки) рассматривается как чуждая греко-римской культуре. Лишь с ее исчезновением «романизованная Африка могла войти в цивилизованное развитие древности наряду с Галлией и Испанией»⁵⁵. С иных позиций де Санктис подходит к завоеванию римлянами Эллады, безо-

⁴⁹ M. C a p o z z a, Movimenti servili nel mondo Romano nel eta repubblicana, Roma, 1966. См. также ее статью о Спартаке в «Critica storica», II, 1963, стр. 251—293.

⁵⁰ P. M e l o n i, Il valore storico e le fonti del libro macedonico di Appiano, Roma, 1955.

⁵¹ B. F e r r o, Le origini di seconda guerra macedonica, Palermo, 1953.

⁵² G. V i t u c c i, Regno di Bithinia, Roma, 1953.

⁵³ S. A c c a m e, Il Dominio romano in Grecia dalla guerra Acaica ad Augusto, Roma, 1946.

⁵⁴ G. d e S a n c t i s, Storia dei Romani, 1953, т. IV, 2, подтом 1, 1957; подтом 2, 1964; IV, 3. Незаконченная «История римлян» де Санктиса насчитывает всего восемь частей, объединенных в четыре тома. Три части вышли после второй мировой войны, последние через 7 лет после смерти историка и 57 лет после выхода первой части.

⁵⁵ D e S a n c t i s, ук. соч., III, 2, подтом 2, стр. 559 сл.

говорочно осуждая римскую политику и клеймя презрением греческих пособников римской агрессии. Он подчеркивает, что принесенное римлянами единство нельзя рассматривать как благодеяние для греков, так как унитарное движение было сильным до римского вмешательства и римляне положили ему конец⁵⁶.

Де Санктис осознает связь между внешней и внутренней политикой римского государства после Ганнибаловой войны. Импералистическая политика господствующего класса, как он считает, стимулировалась нежеланием проводить внутренние реформы, требование которых выдвигалось низами. Живым воплощением этой тупой, консервативной политики внутри и вне государства представляется автору Сципий Эмилиан. Победа реакции, погасив энергию и инициативу наиболее деятельных элементов римского общества, имела своим результатом потерю свободы самим римским народом и переход к принципату.

Нельзя не видеть, что в нарисованной де Санктисом картине развития Рима эпохи кризиса Республики не учтены важные социально-экономические факторы, определившие слабость римской демократии, и прежде всего связанное с римской агрессией развитие рабовладения. Обращает на себя внимание и явная модернизация де Санктисом истории Рима, его попытка толковать прошлое в свете современных проблем.

Успехи в разработке отдельных проблем римской истории зависят от уровня источниковедческих исследований, и прежде всего от отношения к античной традиции. Итальянское источниковедение, пройдя через периоды частичного или полного негативизма, пришло к признанию за античной традицией авторитета во всех сферах политической, военной и культурной истории. Своей реабилитацией традиция обязана не только подтверждающим ее свидетельствам археологии, эпиграфики и т. п., но и новому подходу к источниковедческим проблемам. Применительно к литературным источникам этот подход характеризуется стремлением рассматривать их не как набор сведений, заимствованных у предшественников, а как явления идеологической и политической борьбы своего времени. Задачей историка становится не столько выделение ошибок или фальсификаций в исторических источниках, сколько объяснение их причин.

Таким предстает итальянское источниковедение в работе С. Мадзарино «Историческая мысль классической эпохи»⁵⁷. Достаточно сказать, что автор ставит своей целью определить социальные отношения, которые направляют генезис всей исторической мысли классической эпохи в целом⁵⁸. Таковы и работы Э. Габбы о Дионисии Галикарнасском и Аппиане⁵⁹, А. Момильяно — о начале римской анналистики⁶⁰.

В последнее время делаются попытки пересмотреть значение трудов тех сицилийских историков, которые послужили источниками Полибию и Днороду. Если в отрицательных оценках Филлиста, Филина, Тимея прежние исследователи в основном шли за критикой Полибия, то Г. де Санктис и его последователи готовы видеть в этих историках гигантов исторической мысли. Так, де Санктис считал, что Филлист «не только один из крупнейших сицилийских историков и, может быть, даже самый крупный из них..., но также один из крупнейших греческих историков вообще»⁶¹. Он расценивает его как «подлинного историка», последователя Фукидида. А. Момильяно стремится реабилитировать Тимея от обвинений, какие мы находим у Полибия, которому будто бы было важно доказать свою оригинальность путем очернения Тимея⁶². Наконец, В. Ла Буа превозносит Филина, перенося на него все качества, свойственные Полибию, и даже решается утверждать, что он был, «возможно, более великим или во всяком

⁵⁶ De Sanctis. ук. соч., IV, 3, стр. 219 сл.

⁵⁷ S. M a z z a r i n o, Il pensiero storico classico, I, Bari, 1966; II, p. I—II, Bari, 1968.

⁵⁸ M a z z a r i n o, ук. соч., I, стр. 6.

⁵⁹ E. G a b b a, Appiano e la storia delle guerre civili, Firenze; 1956, о н ж е, Studi su Dionigi da Alicarnasso, «Athenaeum», 38, 1960, стр. 175 сл.; 39, 1961, стр. 98 сл.

⁶⁰ A. M o m i g l i a n o, Linee per una valutazione di Fabio Pittore, «Terzo contributo alla storia degli studi classici e del mondo antica», I, стр. 55—68.

⁶¹ G. d e S a n c t i s, Ricerche sulla storiografia siciliota, Palermo, 1958, стр. 17.

⁶² A. M o m i g l i a n o в «Rivista Storica Italiana», 71, 1959, стр. 549 сл.

случае не менее крупным, чем все те историки античности, которых мы считаем непартийными»⁶³.

В свете отмеченного выше интереса к истории Сицилии и ее местным традициям тенденция к возвеличению сицилийских историков может быть понята, однако этого далеко не достаточно для ее оправдания. У нас не появилось новых данных об этих историках сравнительно с теми, какими в середине прошлого века обладал К. Мюллер, собравший фрагменты их сочинений. Опираясь на критику Полибия при оценке сицилийских историков столь же рискованно, как судить по рецензиям о рецензируемых трудах. Полибий, как теоретик истории, обращал преимущественное внимание на те стороны и моменты, которые могли занимать у его предшественников второстепенное место.

Не избежал общей переоценки и Диодор Сицилийский. Если Г. де Санктис третировал Диодора как «наипосредственнейшего компилятора без искусства и мысли»⁶⁴, то М. Паван пытается доказать, что Диодор достаточно критичен и что он стремился придать своему произведению определенную концепцию универсализма⁶⁵.

Бурное развитие археологических раскопок в Италии и на прилегающих к ней островах привело к значительному пополнению эпиграфического материала. Введение его в научный оборот может дать ключ к проблемам, относящимся к колонизации, миграциям, распространению различных культов. Незаменимы для изучения памятников на индоевропейских языках исследования А. де Франчиши, О. Перанджели, Дж. Джакомелли, Дж. Девото, Дж. Пеллегрини, А. Просдочими⁶⁶. Исследованием и публикацией этрусских надписей плодотворно занимается М. Паллоттино⁶⁷. Огромная работа над латинскими надписями республиканской эпохи проделана известным итальянским эпиграфистом А. Деграсси. Ее результатом явились образцовые издания в корпусе «*Inscriptiones Italiae*» (vol. XIII, 1, 3).

В области топографических и географических исследований наиболее успешно работает Дж. Лульи. Он составил в сотрудничестве с Кастаньоли фундаментальный свод литературных и эпиграфических свидетельств, относящихся к различным районам, географическим пунктам, сооружениям античного Рима⁶⁸. Без собранной им документации трудно представить себе изучение проблем градостроительства в различные эпохи римской истории, а также археологические исследования отдельных комплексов. В других своих работах Дж. Лульи опирается на материалы археологических раскопок, что позволяет ему создать картину развития Рима в целом и его отдельных районов⁶⁹.

Оценивая состояние и уровень любой науки, приходится говорить не только о достигнутых ею результатах, но и о лакунах, оставшихся незаполненными. Если подойти с этим критерием к итальянскому антиковедению, то вряд ли мы сумеем отыскать проблему, которой итальянские историки не коснулись бы в той или иной связи. Речь может идти лишь о соотношении изученного и неизученного и о направлениях изучения.

Открытия итальянских археологов сделали возможным сочетание лингвистического, археологического и социально-экономического исследования. Но нельзя сказать, что такая возможность в полной мере использована современными итальянскими

⁶³ V. L a B u a, Filino—Polibio, Sileno — Diodoro, Palermo, 1966.

⁶⁴ De S a n c t i s, Ricerche sulla storiografia siciliota, стр. 78 сл.

⁶⁵ M. P a v a n, La teoresi storica di Diodoro Siculo, «Rend. Acc. Nat. Lincei», ser. VIII, vol. XVI, стр. 151 сл.

⁶⁶ A. de F r a n c i s i s, O. P a r l a n g e l i, Gli Italici del Bruzio nei documenti epigrafici, Napoli, 1960; G. G i a c o m e l l i, La lingua falisca, Firenze, 1963; G. P e l l e g r i n i, A. L. P r o s d o c i m i, La lingua venetica, I. Le iscrizioni Padova, 1967.

⁶⁷ M. P a l l o t t i n o, Testimonia Linguae Etruscae, Firenze, 1954.

⁶⁸ G. L u g l i, Fontes ad topographiam veteris urbis Romae pertinentes, I—VI, Roma, 1952—1965.

⁶⁹ G. L u g l i, Roma antica. Il centro monumentale, Roma, 1946; о н ж е, Mons Palatinus, Roma, 1960.

учеными. Им пока еще не удалось создать обобщающих работ по истории греческой колонизации, которые могли бы заменить устаревшие по материалам и методологии работы Пайса или Чачери. Выступая как пионеры в открытии новых памятников, итальянские ученые отстают в их интерпретации. Это относится прежде всего к области замечательных открытий, сделанных на почве древнего Лавиния⁷⁰. Освещение поднятых в связи с этим проблем — «этруски и троянцы», «Лаций и Рим», «этруски и Лаций» — было дано впервые за пределами Италии.

Особенно дает себя чувствовать отсутствие фундаментальных исследований в области истории рабовладения. В этом отношении итальянские историки сделали меньше своих западногерманских и английских коллег (не говоря уже о советских исследованиях, выполненных на иной методологической основе).

Говоря об основных направлениях в изучении древнеримской истории в послевоенной итальянской науке, следует отдавать себе отчет в том, что многие из характерных черт ее развития присущи европейской науке вообще. Однако в Италии, пожалуй, резче, чем в других капиталистических странах, осознается необходимость пересмотра наследия консервативной буржуазной науки XIX и XX вв., в изучении как социально-экономической, так политической и культурной истории Рима. Конечно, здесь скажется то, что новый материал попадает в руки итальянских историков прежде, чем он становится известным в других странах. Но нельзя не замечать и того воздействия, которое оказывают на итальянскую науку марксистская философия и написанные марксистами труды по античной истории. Этого воздействия итальянские историографы и не отрицают. Так, С. Мадзарино считает ведущим историком аграрных отношений Э. Серени⁷¹, а А. Момпильяно в своей критике современного ему состояния разработки методологических проблем указывает как на примеры для подражания на труды ученых, пользующихся марксистским методом (Э. Серени, Д. Вернан, Пипиди и др.)⁷². А. Момпильяно пишет: «Если говорить об общем перемещении интересов от политики к обществу, от юридических отношений к отношениям, лежащим в их основе, то, без сомнения, марксизм оказывает огромное влияние на антиковедение и вносит существенный вклад в то движение, которое я называю деколонизацией древней истории»⁷³.

Такая оценка марксизма, как и постановка задачи преодоления прежних влияний и традиций, особенно примечательна на фоне заметной в последние годы активизации неофашистских сил в Италии. И то, что Момпильяно напоминает своим слушателям о незавидной роли, сыгранной в свое время такими античниками, как А. Берве, М. Поленц, Ф. Шахермейер, Дж. Каркопино, можно считать выражением вполне определенных политических позиций. Что же касается философской позиции Момпильяно, то она вполне укладывается в предложенную Ф. Булферрети для итальянской историографии после второй мировой войны формулу: «Между марксизмом и неонидеализмом»⁷⁴, или может быть «между неонидеализмом и марксизмом». Груз неонидеалистических предубеждений заставляет этого ученика Г. де Санктиса путать марксистский метод с результатами исследовательской работы античников-марксистов, упрекать марксистскую науку, изучающую религию, в том, что она не отвечает на вопрос: «Почему Аполлон?» и т. д. Показательно, что при обсуждении доклада Момпильяно некоторые его коллеги указывали на шаткость методологических позиций итальянского антиковедения, а некоторые (А. Марца) и прямо подчеркивали желательность встречи итальянской науки с диалектическим материализмом⁷⁵.

А. И. Немировский

⁷⁰ См. Л. С. И л ь и н с к а я, История и культура античной Италии и Рима в свете археологических открытий последнего десятилетия, ВДИ, 1973, № 1, стр. 175 сл.

⁷¹ S. M a z z a r i n o, Storia romana, «La storiografia italiana», стр. 21. Примечательно также, что С. Мадзарино посвящает свой капитальный труд «Il pensiero storico classico» видному марксисту Бьянко-Бандинелли.

⁷² А. M o m i g l i a n o, Storia greca. «La storiografia italiana ...», стр. 13.

⁷³ Там же, стр. 12.

⁷⁴ F. B u l f e r r e t t i, La storiografia italiana del romanticismo a oggi, Milano, 1957.

⁷⁵ А. M a r z a, в сб. «La storiografia italiana ...», стр. 36.

УКАЗАТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ ПО ИСТОРИИ АНТИЧНОГО МИРА, ОПУБЛИКОВАННОЙ В СССР В 1971 г.*

VII. СЕВЕРНОЕ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ. ПЛЕМЕННОЙ МИР. ЗАКАВКАЗЬЕ. СРЕДНЯЯ АЗИЯ**

РАБОТЫ ОБЩЕГО ХАРАКТЕРА, СБОРНИКИ СТАТЕЙ

320. *Алексеева Е. М.*, Миниатюрная мозаика в стеклянных украшениях I в. до н. э.—II в. н. э., СА, 1971, № 4, с. 178—185. [Рез. на франц. яз.]
321. Археологические открытия 1970 года, отв. ред. Б. А. Рыбаков, М., «Наука», 1971, 471 с.
322. Археологія Української РСР у 3 тт., т. 2. Скіфо-сарматська та антична археологія, Київ, «Наукова думка», 1971, 504с. (Ін-т археології АН УРСР). Відп. ред. О. І. Тереножкін. Автори: В. А. Анохін, Р. І. Ветштейн, Т. М. Висотська, М. І. Вязьмітіна, В. І. Іллінська, Ю. І. Козуб, С. Д. Крижицький, В. В. Лапін, Н. О. Лейпунська, Л. М. Рутківська, Л. М. Славін, Е. І. Соломонік, О. І. Тереножкін, А. Т. Фурманська, П. М. Шульд.
323. *Бритова Н. Н.*, Искусство античных городов Северного Причерноморья, в № 328, с. 138—183.
324. *Голубовская В. С.*, Сокровища одесских музеев, Одесса, «Маяк», 1970, 88 с.
325. *Долгоруков В. С., Цетсаева Г. А.*, Научная конференция памяти Б. В. Фармаковского, СА, 1971, № 4, с. 286—299.
326. *Емельянова Н. С.*, Про нові археологічні відкриття на території УРСР в 1969 р., «Археологія», 1971, № 1, с. 116. [Рез. на русск. яз.]
327. История и культура Восточной Европы по археологическим данным, под ред. С. М. Орешникова и др., М., «Сов. Россия», 1971, 265 с. (Гос. Ист. музей).
328. История искусства народов СССР в 9 томах, т. I. Искусство первобытного общества и древнейших государств на территории СССР, под ред. А. Л. Монгайт и Н. В. Черкасовой. М., «Изобразительное искусство», 1971, 311 с. (Акад. художеств СССР. Научно-исследовательский ин-т теории и истории изобразительных искусств). Рец.: *Яшкин М.*, Книга о древнейшем искусстве на территории СССР, «Искусство», 1972, № 12, с. 77—78.
329. *Карасев В. Н.*, Известия древнеримских авторов о Северном Причерноморье времени Митридатовых войн, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», 1971, т. 288, Всеобщая история, вып. 13, с. 3—14.
330. *Кобылина М. М.*, Об изображении мойр в Северном Причерноморье, СА, 1971, № 3, с. 250—257. [Рез. на франц. яз.]
331. *Корпусова В. М.*, Біконічні посудини перших століть нашої ери з Причорномор'я, «Археологія», 1971, № 3, с. 75—82. [Рез. на русск. яз.]
332. *Корпусова В. М.*, Археологічний музей АН УРСР, «Археологія», 1971, № 4, с. 101—102.
333. *Крижицький С. Д.*, Деякі питання методики реконструкції житлових будинків Північного Причорномор'я елліністичної епохи, «Археологія», 1971, № 1, с. 56—57. [Рез. на русск. яз.]
334. *Марченко П. Д.*, Об античных глазурированных сосудах из музеев СССР, КСИА, вып. 128, 1971, с. 21—32.
335. Материалы по археологии Северного Причерноморья, вып. 7, Одесса, «Маяк», 1971, 248 с.
336. *Романчук А. И.*, Античные традиции в гончарном ремесле средневекового Причерноморья, «Виз. врем.», 32, 1971, с. 40—47.
337. *Сокольский Н. И.*, Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья, М., «Наука», 1971, 289 с. (МИА, № 178).
338. *Сорокина Н. П.*, О стеклянных сосудах с каплями синего стекла из Причерноморья, СА, 1971, № 4, с. 85—101. [Рез. на франц. яз.]
339. *Симонович Э. А.*, Находка позднеантичной амфоры из Курской области, СА, 1971, № 4, с. 231—232.
340. *Черняков И. Т.*, Найден город, Одесса, «Маяк», 1971, 132 с.
341. *Шарафутдінова І. М.*, Бронзові серпи Північно-Західного Причерномор'я (кінець II — початок I тисячоліття до н. е.), «Археологія», 1971, № 1, с. 26—43. [Рез. на русск. яз.]
342. *Шелов Д. Б.*, Нефть в античных амфорах, «Природа», 1971, № 8, с. 70—74.

БОСПОРСКОЕ ЦАРСТВО

343. *Арсеньева Т. М., Шелов Д. Б.*, Работы в Танаисе, в № 321, с. 117—118.
344. *Бессонова С. С.*, Раскопки Китэя, в № 321, с. 249.

* Окончание. Начало см. ВДИ, 1973, № 4. Работы, вышедшие до 1971 г., но не учтенные в предыдущих выпусках, см. под №№ 324, 406, 410, 414, 416, 439, 444, 460, 469, 470, 479, 518, 520, 521, 529, 536, 540, 551, 553, 554, 559, 567, 571, 574.

** См. также раздел III.

345. *Бессонова С. С.*, Реконструкция деревянного саркофага из Трехбратных курганов, СА, 1971, № 4, с. 215—221. [Рез. на франц. яз.]
346. *Билимович З. А.*, Бронзовый кувшин из VI Семибратнего кургана, СА, 1971, № 1, с. 216—219. [Рез. на франц. яз.]
347. *Болтунова А. И.*, Курганное погребение IV в. до н. э. под Керчью, СА, 1971, № 1, с. 159—172. [Рез. на франц. яз.]
348. Водопроводу 2000 лет, ПИШ, 1971, № 1, с. 123. [Без подписи.]
349. *Герасимова М. М.*, К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса (III в. до н. э. — IV в. н. э.), СЭ, 1971, № 4, с. 131—140.
350. *Горбунова К.*, Костяные пластинки с гравированными изображениями из VI Семибратнего кургана, «Сообщения Гос. Эрмитажа», XXXII, Л., 1971, с. 56—58. [Рез. на англ. яз., с. 76.]
351. *Грач Н. Л.*, Нимфейская экспедиция Гос. Эрмитажа, в № 321, с. 267—268.
352. *Долгоруков В. С., Сокольский Н. И., Сорокина Н. П., Стручалина Р. А.*, Работы таманской экспедиции, в № 321, с. 118—121.
353. *Зевст П. В.*, Раскопки Гермонассы, в № 321, с. 116—117.
354. *Кобылина М. М.*, Раскопки Фанагории, в № 321, с. 110—112.
355. *Корпусова В. Н.*, Некрополь у с. Золотое, КСИА, вып. 128, 1971, с. 86—92.
356. *Корпусова В. Н., Орлов Р. С.*, Раскопки некрополя сельского поселения Европейской части Боспора, в № 321, с. 266—267.
357. *Кострин К. В.*, Исследование смолистого осадка из древних амфор, найденных при раскопках Танаиса, СА, 1971, № 3, с. 264—265.
358. *Кругликова И. Т.*, Бронзовый бюст Изиды из Горгниппии, КСИА, вып. 128, 1971, с. 93—96.
359. *Кругликова И. Т., Романовская М. А.*, Античные поселения у деревень Андреевка и Ново-Отрадное, в № 321, с. 252—254.
360. *Крушкoл Ю. С.*, Древняя Синдика, М., 1971, 251 с. (Моск. обл. пед. ин-т им. Н. К. Крупской).
361. *Крушкoл Ю. С.*, Терракоты из античного здания на хуторе Рассвет, СА, 1971, № 4, с. 222—225.
362. *Крушкoл Ю. С., Карасев В. Н.*, Раскопки на хут. Рассвет, в № 321, с. 115—116.
363. *Кубланов М. М.*, Исследование некрополя Илурата, КСИА, вып. 128, 1971, с. 78—85.
364. *Латишева В.*, «География» Страбона як джерело з історії Боспору, «Вісн. Харк. ун-ту», № 62, Іст. сер., вип. 5, Харків, 1971, с. 84—92.
365. *Марченко И. Д.*, Архаическая мастерская оружейника в Пантикапее, СА, 1971, № 2, с. 148—156. [Рез. на франц. яз.]
366. *Марченко И. Д.*, Раскопки Пантикапея, в № 321, с. 263—264.
367. *Молчанов А. А.*, Искусство портрета на античном Боспоре (По нумизматическим материалам), «Вестник МГУ. История», 1971, № 4, с. 98—100.
368. Нефть и амфоры, ПИШ, 1971, № 1, с. 125. [Без подписи.]
369. *Петерс Б. Г., Ефимов М. Г.*, Раскопки у с. Михайловки, в № 321, с. 260—262.
370. Раскопки античного поселения, ПИШ, 1971, № 1, с. 124. [Без подписи.] Сельское поселение Боспорского царства.
371. *Смирнова Т. М.*, Работы Анапской экспедиции, в № 321 с. 121—123.
372. *Сопова Н. К.*, К вопросу об установлении династии Спартокидов на Боспоре, «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», 1971, т. 288, Всеобщая история, вып. 13, с. 40—56.
373. *Сорокина Н. П.* Новые находки стеклянных сосудов V в. до н. э. на Таманском полуострове, в № 327, с. 76—88.
374. *Таскаев В. Н.*, Новые данные о развитии сельского хозяйства и ремесленного производства в глубинной Синдике в I в. до н. э. — I в. н.э. (На основании раскопок античного здания на территории хутора Рассвет экспедиции МОПИ им. Н. К. Крупской), «Ученые записки Моск. обл. пед. ин-та», 1971, т. 288, Всеобщая история, вып. 13, с. 57—61.
375. *Шульц П. Н.* Курган Кара-оба близ Керчи. (Раскопки 1967—1969 гг.) КСИА, вып. 128, 1971, с. 55—62.
376. *Шургая И. Г.* Раскопки в юго-западных кварталах Илурата, в № 321, с. 259—260.
- См. также № 338.

ХЕРСОНЕС

377. *Антонова И. А., Аркадова Л. А.* Раскопки терм и античной протейхизм в Херсонесе, в № 321, с. 270—271.
378. *Голенцов А. С.*, Античный поливной сосуд из Северо-Западного Крыма, КСИА, вып. 128, 1971, с. 63—65.
379. *Гуцина И. И.*, К вопросу об экономических связях населения Бельбекской долины Крыма в первые века н. э., в № 327, с. 110—120.
380. *Даниленко В. Н., Романчук А. П.* Раскопки в портовом районе Херсонеса, в № 321, с. 262—263.
381. *Дашевская О. Д.*, Раскопки памятников античной эпохи в Северо-Западном Крыму, в № 321, с. 264—265.
382. *Зедгенидзе А. А., Махнеева О. А.*, Раскопки у античного театра в Херсонесе, в № 321, с. 247—249.
383. *Кадеев В. Г.*, Про державний лад Херсонеса в перших століттях н. е., «Укр. іст. журн.», 1971, № 9, с. 23—31.